Господин декоратор
АЛЕКСАНДР ГОЛОВИН В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

Анна Толстова

МОЖНО сколько угодно твердить о единстве культурного пейзажа России, но как начнешь присматриваться — так даже между Москвой и Петербургом будто пропасть разверзлась. Во всяком случае, за последние лет этак десять главным музеям русского искусства еще ни разу не удалось совместно отпраздновать юбилей какого-нибудь великого или «просто выдающегося, да и только» русского художника. Нестеров, Коровин, Левитан — у Третьяковки один, у Русского музея другой. Времена совместных юбилейных блокбастеров прошли, что, с одной стороны, огорчает, а с другой, возможно, и к лучшему. По крайней мере, нам всегда показывают две версии одного и того же, петербургскую и московскую, что в целом соответствует двум господствующим версиям истории русского искусства, петербургской и московской. Вот и с Александром Головиным (1863–1930) тот же случай: Русский музей отпраздновал его 150-летие вовремя, в прошлом году, Третьяковка празднует лишь сейчас. Правда, в Петербурге выставка была в два раза меньше и на ней Головин представал петербуржцем, мирискусником, художником императорских Мариинки с Александринкой, мастером дягилевской плеяды, сдержанным и суховатым европейским графиком. В Москве ретроспектива будет в два раза больше, с включением вещей, уже показанных в Петербурге, например считавшихся утраченными костюмов к мейерхольдовскому «Маскараду» из Александринского театра. И уж здесь-то Головин по праву окажется москвичом, ярким деятелем абрамцевского кружка, украшателем «Метрополя», орнаменталистом-ориенталистом.

Александр Головин родился на Плющихе, но детство его прошло под Москвой, в Петровско-Разумовском,— отец, священник, получил место профессора богословия в Петровской земледельческой и лесной академии, нынешней Тимирязевке. И потом Сергей Маковский, из всех русских критиков, пожалуй, наиболее нежно отзывавшийся о Головине, скажет, что образ райского сада в его живописи связан не столько с Италией и Испанией, сколько с нашими северными не то английскими, не то деревенскими парками. У него было счастливое детство мальчика из тонкой, интеллигентной семьи, правда, поощрявшей его способности к музыке — абсолютный слух — более, нежели к рисованию, и не сразу смирившейся с решением поступать — это после Катковского-то лицея и Поливановской гимназии — в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. И была совсем несчастная юность: ранняя смерть родителей, униженное положение приживалы у богатых родственников и семь лет в подмастерьях у декоратора комнат, потому что училище он окончил совсем не блестяще, представив слишком авангардную — то есть слишком символистскую — дипломную работу. Все почти головинские произведения окрашены меланхолией, и осо-

«Душное Кощеево царство». Эскиз декорации к балету Стравинского «Жар-птица», 1909 год

Автопортрет, 1912 год

Костюм Шута из спектакля «Маскарад», Александринский театр, Петроград, 1917 год. Из собрания Александринского театра, фото Е. Кравцовой из каталога «Александр Головин. К 150-летию со дня рождения»

ИЗ СОБРАНИЯ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА, ФОТО Е. КРАВЦОВОЙ

«Портрет Ф. И. Шаляпина в роли Олоферна», 1908 год